

Владимир Федорович Одоевский. Игоша

 Оригинал этого текста расположен в библиотеке сайта

"Русская Фантастика" по адресам: <http://rusf.ru/>

OCR & Spellcheck - Александр Усов.

Сверка произведена по изданию: "Русская фантастическая проза эпохи романтизма", изд-во Ленинградского Университета, Ленинград, 1991 г.

(Алек. Степ. Хомякову)

Я сидел с нянюшкой в детской; на полу разостлан был ковер, на ковре игрушки, а между игрушками - я; вдруг дверь отворилась, а никто не вошел. Я посмотрел, подождал - все нет никого.

- Нянюшка! нянюшка! Кто дверь отворил?

- Безрукий, безногий дверь отворил, дитятко! Вот безрукий, безногий и запал мне на мысль.

- Что за безрукий, безногий такой, нянюшка?

- Ну, да так - известно, что, - отвечала нянюшка, безрукий, безногий.

Мало мне было нянюшкиных слов, и я, бывало, как дверь ли, окисли отворится - тотчас забегу посмотреть: не тут ли безрукий - и, как он ни увертлив, верно бы мне попался, если бы в то время батюшка не возвратился из города и не привез с собою новых игрушек, которые заставили меня на время позабыть о безруком.

Радость! веселье! прыгаю! любуюсь игрушками! А нянюшка ставит да ставит рядом их на столе, покрытом салфеткою, приговаривая: "Не ломай, не разбей, помаленьку играй, дитятко". Между тем зазвонили к обеду.

Я прибежал в столовую, когда батюшка рассказывал, отчего он так долго не возвращался. "Все постромки лопались, - говорил он, - а не постромки, так кучер то и дело что кнут свой теряет; а не то пристяжная ногу зашибет, беда, да и только! Хоть стань на дороге; уж в самом деле я подумал: не от Игоши ли?"

- От какого Игоши? - спросила его маменька.

- Да вот послушай, - на завтражке я остановился лошадей покормить; прозяб я и вошел в избу погреться; в избе за столом сидят трое извозчиков, а на столе лежат четыре ложки; вот они хлеб ли режут, лишний ломоть к ложке положат; пирога ли попросят, лишний кусок отрушат.

- Кому это вы, верно, товарищу оставляете, добрые молодцы? - спросил я.

- Товарищу не товарищу, - отвечали они, - а такому молодцу, который обид не любит.

- Да кто же он такой? - спросил я.

- Да Игоша, барин. Что за Игоша, вот я их и ну допрашивать.

- А вот послушайте, барин, - отвечал мне один из них, - летом у земляка-то родился сынок, такой хворенький, Бог с ним, без ручек, без ножек, - в чем душа; не успели за попом сходить, как он и дух испустил; до обеда не дожил. Вот, делать нечего, поплакали, погоревали, да и предали младенца земле. - Только с той поры все у нас стало не попржнему... впрочем, Игоша, барин, малый добрый: наших лошадей бережет, гривы им заплетает, к попу под благословенье подходит; но если же ему лишней ложки за столом не положишь или поп лишнего благословенья при отпуске в церкви не даст, то Игоша и пойдет кутить: то у попадьи квашню опрокинет или из горшка горох выбросает; а у нас или у лошадей подкову сломает, или у колокольчика язык вырвет - мало ли что бывает.

- И! да я вижу, Игоша-то проказник у вас, - сказал я, - отдайте-ка его мне, и если он хорошо мне послужит, то у меня ему славное житье будет; я ему, пожалуй, и харчевые назначу.

Между тем лошади отдохнули, я отогрелся, сел в сани, покатился: не отъехали версты - шлея соскочила, потом постромки оборвались, а наконец оглобля пополам - целых два часа понапрасну потеряли. В самом деле подумаешь, что Игоша ко мне привязался.

Так говорил батюшка; я не пропустил ни одного слова. В раздумье пошел я в свою комнату, сел на полу, но игрушки меня не занимали - у меня в голове все вертелся Игоша да Игоша. Вот я смотрю - няня на ту минуту вышла - вдруг дверь отворилась; я по своему обыкновению хотел было вскочить, но невольно присел, когда увидел, что ко мне в комнату вошел, припрыгивая, маленький человек в крестьянской рубашке, подстриженный в кружок; глаза у него